

Я.Ю. Шашкова

Особенности отношения населения к партиям как политическому институту в регионах с традиционной политической культурой (на примере Алтайского края)

Современная демократия, основанная на либеральных представлениях о власти и механизмах ее формирования, неотделима от политических партий. Именно партии, пусть даже вынужденно, агрегируют и артикулируют требования общества, способствуют формированию политической элиты, придают государственной политике идейную направленность и выступают одним из каналов политического рекрутирования и мобильности граждан. В то же время конец XX – начало XXI в. ознаменовались в политической науке дискуссией о кризисе «старых» партий и их трансформации в условиях постмодерна и развития сетевых политических объединений. Как писал один из ее участников, испано-американский социолог М. Кастельс, партии «исчерпали свой потенциал в качестве самостоятельных носителей социальных перемен... их сгубила логика информационной политики, а их основные платформы, сводившиеся к институтам национального государства, во многом утратили свою актуальность» [1, с. 305]. Одним из проявлений кризиса западные авторы называли массовый выход членов из партий, превращение «вчерашних массовых партий» в «партии действующих политиков» и снижение доверия к ним со стороны общества [2, с. 38].

Нельзя сказать, что эти проблемы совсем не затронули нашу страну, хотя для России формирование эффективной и жизнеспособной партийной системы – еще цель долгого развития. От времени и степени ее достижения непосредственно зависит демократизация государства и общества. Ведь уже стало аксиомой, что чем слабее партийная система и менее развита система организованных групп интересов, тем сильнее доминирование исполнительной власти и неформальное регулирование политических процессов.

За последнее десятилетие партии в нашей стране превратились в неотъемлемый элемент политической системы и фактически единственный субъект избирательного процесса. Однако данное положение стало следствием не естественной эволюции партийно-политического пространства, когда партии обладают высоким доверием общества и становятся закономерными представителями и выразителями его интересов, а результатом силового лишения граждан и общественных объединений права выдвигать кан-

дидатов на выборные должности и обеспечивать их избрание.

Более того, большинство политологов сходятся во мнении, что в России до сих пор не накоплен необходимый «социальный капитал», преобладает фрагментарная политическая культура с традиционными ценностями коммунитаризма, восходящими к общинному коллективизму и обусловливающими не только приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы, но и, в конечном итоге, ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни, а также персонализированное восприятие власти. Главной политической идеей выступает «социальная справедливость», предопределяющая по преимуществу морализаторские оценки межпартийной и межгрупповой политической конкуренции. Характерно для нее и недопонимание роли представительных институтов, тяготение к исполнительским функциям, незаинтересованность в систематическом контроле за властями, неспособность к самоорганизации, в силу чего демократические институты, в том числе и партии, не укрепились в общественном сознании и не приобрели в нем социальную значимость.

Граждане, как показывают опросы, доверяют институтам традиционного общества – главе государства, армии и церкви, а не представительным органам власти и партиям. Так, по данным Левада-центра, партиям в 2005–2006 гг. доверяли от 4 до 6% населения, частично – около 30%. На этом фоне президенту полностью доверяли 54–58% россиян, частично – 28–30%; церкви – 38–44% полностью и 21–23% частично; армии – от 20 до 30% полностью и 33–35% частично. Даже профсоюзы в этом списке получали от 9 до 12% полной поддержки и 20–25% частичной [3].

Подтверждает репрезентативность полученных рейтингов и другой параметр – оценка влияния общественно-политических институтов на ситуацию в стране. По данным того же Левада-центра, в 2005–2006 гг. для партий она составила 2,5 балла, в то время как влияние президента респонденты оценили примерно в 4 балла, силовых структур и СМИ – 3,5 балла, а церкви – 3 балла. И дело здесь не только в «догоняющем» характере отечественного транзита, смещении этапов партотгенеза, в силу чего законодательно и в массовом сознании мы закрепляем

устаревшую на Западе модель массовой партии, сколько в принципиальном несовпадении культурных и институциональных сред, в которых возникали и действуют политические силы в странах Запада и России. Если в первых политическая культура признает за партиями роль важнейшего субъекта политики, одного из наиболее эффективных каналов формирования государственного аппарата и трансформации интересов общества в государственную политику, политического воспитания и мобилизации граждан, то в нашей стране она их отрицает или отождествляет с государством. Наше общество сохраняет «общинную психологию», отрицающую «чужака», не доверяющую ему. Община – это мир плотных социальных сетей, «порождающих наборы нормативных, символических и культурных стандартов», регламентирующих политическое поведение человека, «задающих объемы информации, необходимой и доступной индивидам для принятия решений» [4, с. 163], но информации, уже подвергшейся оценке со стороны данной группы. Информация и нормы передаются через межличностные связи и не требуют посредников – партий, наоборот, возникающих при разряжении социальной сети. Но и в «атомизированном» сообществе людей, испытывающих недоверие и неприязнь друг к другу, они не могут возникнуть. Поэтому, когда до сих пор, как показывают опросы, не более трети россиян полагают, что «людям можно доверять», говорить о доверии любым политическим институтам нетрадиционного типа, в том числе политическим партиям, невозможно.

Все это в полной мере применимо и к Алтайскому краю, который относится к разряду регионов с выраженным традиционалистским менталитетом, обусловленным в первую очередь дотационным характером экономики края, преобладанием аграрного сектора и предприятий сельхозперерабатывающей промышленности, низким уровнем жизни, отсутствием финансовых ресурсов для развития мелкого и среднего бизнеса.

Согласно опросам Центра политического анализа и технологий Алтайского госуниверситета в 2002 г. деятельность российских партий положительно оценивали 7,8% жителей Барнаула (в основном пенсионеры, служащие и студенты, предприниматели). Еще 12,6% ответили, что оценивают их деятельность скорее положительно, чем отрицательно. Таким образом, только 20,4% респондентов признавали, что партии выполняют позитивную роль в обществе. Отрицательно к деятельности партий относились 16,8%, а 20,8% оценивали их деятельность скорее отрицательно, чем положительно.

Через три года, в 2005 г., оценки деятельности партий стали более критическими. Их позитивную роль в обществе по-прежнему признавали 20,7% респондентов. А вот число оценивающих ее негативно выросло до 62%.

При этом полученные результаты нельзя объяснить только политической культурой. Рядовые избиратели все чаще связывают доверие к партиям с выполнением ими своих обещаний, повышением эффективности работы с населением, преодолением зависимости от капитала и государственной власти.

Те же опросы показали, что в 2002 г. только 5,6% жителей Барнаула были уверены, что российские партии полностью выполняют свои функции и обещания, 22,4% считали, что они делают это частично, еще 18,4% ответили, что свои функции и обещания партии выполняют иногда. В то же время 26,4% отмечали, что партии чаще не выполняют свои обещания, а 16,8% – что никогда не выполняют. К 2005 г. доля разделяющих последнюю точку зрения выросла в три раза и составила 50,9% респондентов. Среди проблем, мешающих эффективной деятельности партий, жители края неизменно называли безответственность, оторванность от избирателей, продвижение корыстных интересов своих членов через органы власти, зависимость от капитала и государственной власти, программное однообразие.

Вместе с тем в массовом сознании функции партий и государственных институтов разделяются нечетко. Партиям приписывается выполнение таких государственных задач, как принятие законов и бюджета, обеспечение безопасности общества, исполнение законов. В этих условиях значительным достижением можно считать то, что без партий российская политическая система уже почти не мыслится. Согласно всероссийским опросам общественного мнения отрицают необходимость данного института около 7% россиян (2001 г. – 8%, 2004 г. – 6%, 2005 г. – 7%, 2006 г. – 7%). Большинство же граждан, особенно молодого и среднего возраста, не приемлют возврат к однопартийной системе и связывают дальнейшее политическое развитие нашей страны с функционированием двух-трех крупных партий. По данным Левада-центра, в 2001 г. так считают 41% опрошенных, в 2004 г. – 44%, и в 2006 г. – 42%. С другой стороны, количество сторонников «одной сильной правящей партии» советского типа тоже достаточно стабильно – на уровне 30%. В 2001–2004 гг. они составляли 34% избирателей, в 2005 г. – 38% и в 2006 г. – 32% [5].

На этом фоне несколько противоречиво выглядит 41% положительно или скорее положительно относящихся к тому, «чтобы «Единая Россия» официально стала ведущей силой государства, которая, как в свое время КПСС, могла бы направлять действия всех органов власти и назначать своих людей на любые ответственные должности» [5].

Представления жителей Алтайского края по данному вопросу вполне соответствуют общероссийской тенденции. В 2002 г. в том, что партии в России нужны, были уверены 67,2% барнаульцев. По мнению большинства из них (42%) партийная система долж-

на включать три и более партий, 29,5% (к их числу в основном относились рабочие, учащиеся и студенты) оптимальной считали двухпартийную систему. За возврат к однопартийной системе выступало 15,2%, при этом 47,1% из них – пенсионеры. 11,2% респондентов ответили, что партии в России не нужны. Еще 21,6% опрошенных не имели мнения по данному вопросу.

В 2005 г. соотношение мнений принципиально не изменилось. По-прежнему большинство жителей края (79%) уверены, что партии в России нужны. При этом несколько сократилось число сторонников двухпартийной системы (21%) и увеличилось число считающих, что в обществе должна быть одна партия (23,6%). 17,3% респондентов ответили, что партии в России не нужны. Такое мнение более характерно для женщин, чем для мужчин, а также для людей, имеющих высшее образование и низкий уровень дохода, не превышающий 2500 рублей. Таким образом, только пятая часть жителей края не считают, что партии играют важную роль в современном обществе.

Большую роль в делигитимации партий играют и особенности нашего избирательного процесса, в частности связанного с выборами Президента РФ. Согласно законодательству для занятия данного поста кандидат должен получить 50% плюс один голос избирателей. Но ни одна из существующих российских партий не имеет такого рейтинга и количества мобилизованного электората, в связи с чем, чтобы получить

необходимое количество голосов, кандидат должен дистанцироваться от партий, представить себя выше них. И эта схема, дополненная низким уровнем доверия к партиям, уже достаточно четко зафиксировалась в массовом сознании: 62% россиян в июле 2006 г. посчитали, что Президент России «должен быть беспартийным и выполнять функции “арбитра” между различными ветвями власти и партиями» [5].

Еще одним из проявлений традиционности можно считать преобладание поддержки партий на смысловом, символическом уровне, иногда даже по названиям, при слабом представлении о содержании их программ, так как легитимация власти и политических институтов в России всегда «имела ... идеократический характер, ибо в основе любого традиционного общества лежит ориентация на ценности, а не на практические цели ...» [6, с. 86].

В целом же можно сказать, что проблема повышения легитимности партий в обществе носит как общемировой, так и российский характер. В нашей стране она приобретает особую актуальность в связи с усилением партийной составляющей в органах власти федерального и регионального уровней. А потому от ее перспектив зависит не только реализация электоральных процессов, но и способность органов власти добиваться общественной поддержки проводимой ими политики и, в конечном итоге, эффективность взаимодействия власти и общества в российской политике.

Библиографический список

1. Кастельс, М. Могущество самобытности / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999.
2. Доган, М. Эрозия доверия в развитых демократиях / М. Доган // МЭиМО. – 1999. – №6.
3. Социально-политическая ситуация в России в сентябре 2006 года [Электронный ресурс] // <http://www.levada.ru/press/2006100301.html>.
4. Шевченко, Ю. Между гражданским обществом и авторитарным государством / Ю. Шевченко // Pro et contra. – 2000. – Т. 5. – №1.
5. Россияне о правящей партии и партийной принадлежности президента [Электронный ресурс] // <http://www.levada.ru/press/2006072504.html>.
6. Ачкасов, В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество / В.А. Ачкасов // Полис. – 2001. – №3.